

А.И. КОСТИН

**МОДЕЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ЦИВИЛИЗАЦИИ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД**

Существующая международная система, основанная на изменчивом соотношении сил государств-наций и их союзов, переживает кризис. Функциональная целостность и взаимозависимость мира, возникающая под воздействием глобальных интеграционных процессов, вступают во все большее противоречие с политической фрагментацией международной системы.

Глобализация как явление известна давно. Это понятие употребляется в научной литературе уже несколько десятилетий. Как правило, этим понятием обозначался процесс обострения всего комплекса глобальных проблем и нарастания планетарной взаимозависимости различных стран и регионов мира. Его политическая актуализация связана с периодом 1990-х годов, когда США и их союзники стали претендовать на безусловное доминирование в мировых делах, подтверждая это не только в экономической сфере, но и путем осуществления «гуманитарных операций», военно-полицейских акций и т.п.

Стратегия «силового глобализма» в экономической, политической, информационной сферах все чаще стала обозначаться термином «глобализация». Такое понимание «глобализации» приводит к неоправданному сужению содержания этого понятия, сведению его к одной или некоторым сферам, к одной из возможных исторических форм и в конце концов к терминологической путанице. Трудности усугубляются политическим звучанием проблемы, стоящими

за ней масштабными интересами как материального, так и идеологического характера.

Сторонники глобализации приветствуют этот процесс, несущий человечеству невиданное доселе благоденствие: повышение уровня и качества жизни, новые рабочие места, широкий и свободный доступ к информации, расширение возможностей улучшения взаимопонимания между различными культурами и цивилизациями, постепенное стирание государственных, национальных и культурных границ на пути свободного движения товаров и людей, капиталов и идей, сглаживание социальных противоречий, наконец, обеспечение всеобщего мира и безопасности.

Противники нынешней формы глобализации предпочитают говорить о «мондиализме», «мировом заговоре» и даже о наступлении порядка, в котором не останется места для человека, его национальной, культурной и личной самобытности, духовных идеалов. Оппонентов достаточно много, и действуют они весьма активно. Многие встречи и заседания Международного валютного фонда, Всемирного банка, Всемирной торговой организации сопровождаются массовыми демонстрациями протеста. Но основные оппоненты такой глобализации принадлежат к общественным, политическим и научным кругам стран, которые не получают ощутимого улучшения от этого процесса.

Действительно, усиливается социальная дифференциация в обществе, углубляется социально-экономический разрыв между развитыми государствами и развивающимися странами, растет политическое влияние транснациональных корпораций в ущерб интересам национальных государств, подвергается эрозии международное право и т.д. Таким образом, явление, именуемое «глобализацией», порождает весьма сложный узел противоречий.

Понятие «глобализация» достаточно многозначно и может употребляться в различных смыслах. Во-первых, им обозначают процесс слияния национальных экономик в единую, общемировую систему, основанную на быстром перемещении капитала, новой информационной открытости мира, технологической революции, приверженности развитых индустриальных стран либерализации движения товаров и капитала, коммуникационном сближении, планетарной научной революции. Для нее характерны межнациональные социальные движения, новые виды транспорта, телекоммуникационные технологии, интернациональная система образования.

Во-вторых, американский исследователь Т. Фридман считает, что глобализация – это новая система, которая заменила «систему холодной войны». Не каждая страна может считать себя частью этой системы, но практически все государства (как и промышленные компании) находятся под ее давлением – они должны адаптироваться к вызову глобализации. Но политический и экономический выбор большинства правительств резко ограничен тем, что в мире существует одна сверхдержава и правит в ней капитализм.

В-третьих, глобализация рассматривается как *процесс становления* единого взаимосвязанного мира, в котором народы не отделены друг от друга привычными протекционистскими барьерами и границами, которые одновременно и препятствуют их общению, и предохраняют их от неупорядоченных внешних воздействий. К новой системе открытого, глобализующегося мира различные народы и государства подошли неодинаково подготовленными, значительно отличающимися по своему экономическому, военно-стратегическому и информационному потенциалу.

В-четвертых, под глобализацией понимается стремление перевести планету на западную систему отсчета. В условиях торжества свободы ценностная система общества упрощается, на первый план выходит наиболее простое, материальное. Глобализация становится лозунгом дня, поскольку международные финансово-промышленные корпорации в экономическом отношении, как правило, более мощные и эффективные, чем национальные.

Однако она вызывает довольно серьезное противодействие. В разных странах активно проявило себя так называемое движение антиглобалистов. Многие его участники предпочитают термин альтерглобализм. Основной целью этого движения называют развитие процессов интеграции экономик, народов и культур на основах демократии, социальной справедливости, уважения самостоятельности и самобытности национально-культурных образований. Антиглобализм в такой трактовке – это международное движение за глобализацию «снизу» в интересах граждан. Он объединяет представителей различных социальных слоев и групп – от безработных до представителей высшего класса. Первоначально антиглобализм проявился в виде социальных движений во время встреч международных организаций.

Следует отметить, что далеко не все считают необходимым использовать понятие «глобализация» вместо прежнего «интерна-

ционализация». Например, Дж.К. Гэлбрейт выступает против термина «глобализация», предпочитая понятие интернационализма. В XXI в., по его мнению, между странами будут устанавливаться более тесные связи в области экономики, культуры, искусства, науки и т.д., что поможет снизить риск возникновения неконтролируемого национализма, имевшего место в XX в. [Galbraith, 1999].

Интернационализация – это понятие, характеризующее конкретно-исторический процесс нарастания взаимосвязи и взаимозависимости многих сфер жизнедеятельности общества различных стран, народов и регионов, который особенно активно начал развиваться в эпоху индустриальной революции и становления капитализма. В ходе индустриальной революции она привела к формированию единого мирового хозяйства, интеграции промышленного и финансового капитала, углублению и развитию международного разделения труда. Интернационализация фиксирует появление развитой тенденции международного взаимодействия и взаимопроникновения хозяйственных, экономических и торговых интересов, связей и отношений, которая в конце XIX – начале XX в. приобретает интенсивный и целенаправленный характер. Интернационализация – это процесс интенсификации международных связей и обменов.

Глобализация характеризует качественное изменение этого процесса, перерастание и становление весьма противоречивого, но целостного (интегрального) мира, в рамках которого отдельные общества, страны и регионы все более приобретают черты частей единого целого. В известном смысле глобализация еще не стала всеохватывающим процессом и явлением. Большинству стран и регионов необходимо еще пройти стадию модернизации своих государств. Лидерам глобализации придется считаться с нарастающим сопротивлением антиглобалистских сил и с таким наследием предшествующей стадии интернационализации, которое одни исследователи называют «асимметричной взаимозависимостью», другие – неоколониализмом.

Следует различать такие понятия, как «глобализация» и «исторические формы глобализации». Исторические формы глобализации – характеризуются целями и средствами, которые реализуют и используют в различных сферах общественной жизни на разных исторических этапах основные субъекты процесса глобализации. Они определяют социально-экономическое и политическое содержание результатов процесса глобализации [Костин, 2005, с. 113].

Вести борьбу против глобализации как объективного процесса, нового этапа становления системной целостности мира представляется бессмысленным и бесперспективным занятием. Но можно и нужно добиваться, чтобы он шел в таких политических и иных формах и такими темпами, которые отвечали бы интересам большинства населения Земли. Корректировка в этом смысле нынешнего процесса глобализации требуется весьма значительная.

В понятии «глобализация» обычно фиксируется усиливающаяся «взаимозависимость» мира [Иноземцев, 2008]. Глобальный характер природной зависимости человечества связан с внутренней имманентной активностью природы и существовал всегда. Возрастание социоприродной и интерсоциальной взаимозависимости различных обществ является существенной (но не единственной!) характеристикой процесса глобализации.

Это свойство глобализации – явление не новое. В различных формах и отношениях оно существовало и развивалось на разных этапах истории. Но длительное время значительные территории оставались практически изолированными от процесса взаимозависимости. Географические открытия и колониальная экспансия изменили ситуацию. Основные параметры современной социоприродной и интерсоциальной взаимозависимости приводят к становлению нового качества – глобализации. Эти параметры характеризуют и определяют экономическую, информационную, планетарную взаимозависимость, взаимозависимость глобальной безопасности (имеется в виду весь спектр глобальных проблем – интерсоциальных, природно-социальных, антропосоциальных) и т.д.

В результате меняется облик мира во многих его параметрах. Становится бесполезным анализировать процессы общественного и политического развития многообразных государственных образований так, как если бы они были в преобладающей степени внутренне развивающимися структурами, в то время как они являются все в большей мере структурами, созданными всемирными процессами и обретающими свою форму в качестве реакции на эти процессы.

Современная глобализация стала качественно новым этапом экспансии Запада, ее идеологической основой послужили принципы и установки так называемого Вашингтонского консенсуса. Ключевое место в нем занимал тезис о наступлении эры триумфа свободного рынка, резкого сокращения вмешательства государства в

экономику и устранение всех созданных государством препятствий на пути перемещения товаров, капиталов и людей по всему миру. Но реальные процессы и тенденции развития современного мира, его противоречивая динамика внесли существенные коррективы в эти и другие связанные с ними установки. Своеобразным рубежом, на котором отчетливо проявились эти коррективы, стал глобальный финансово-экономический кризис. Начавшись с ипотечного кризиса в США в 2007 г., он не преодолен и до настоящего времени. Двойственность и противоречивость этого процесса определяется тем, что финансово-экономический кризис совмещается с цивилизационным кризисом. Он носит системный характер и ведет к тектоническим сдвигам основополагающих ценностей, принципов, установок, институтов не только самой экономики, но и всего миропорядка в целом. Речь идет о подлинных революциях в важнейших сферах общественной жизни – социальной, политической, социокультурной, политико-культурной, социально-психологической, идеологической и т.д. [Гаджиев, 2015]. Эти процессы затронули все уровни: глобальный, национальный и субнациональный.

Основным следствием данного процесса помимо увеличения взаимозависимости государств является географическая и институциональная интеграция локальных рынков. Интернационализация бизнеса и экономик разных стран, несмотря на ряд несомненных преимуществ, тем не менее уже превратилась в глобальную проблему. Параллельно процессу глобализации нарастают процессы локализации и регионализации. Появление и усиление интеграционных систем в Европе, в Северной и Южной Америке, в Азии и на Евразийском пространстве показывает, что процесс глобализации происходит и будет развиваться далее значительно более сложным и противоречивым путем, чем предполагалось ранее.

Объективное содержание процесса глобализации носит гетерогенный характер. Его структурные составляющие представляют собой разнородные по происхождению и сферам явления, механизмы и процессы, образующие весьма противоречивую системную целостность [Шимаи, 1999].

К ним относят в том числе: непрерывно нарастающие долговременные отрицательные антропогенные воздействия на биосферу планеты, которые ведут к ее все более масштабной необратимой деградации и подрывают необходимые условия дальнейшего существования человеческого общества; масштабное развитие

средств коммуникаций и связи, глобальной информационной среды и различных инфраструктур, взаимодействий и отношений между странами и народами; новое качество взаимосвязанности и взаимозависимости социума, в котором сосуществуют и весьма сложно взаимодействуют неоднородные и даже противоположные тенденции, угрожающие безопасности цивилизации; появляются и упрочивают свое влияние такие субъекты глобальной политики и экономики, как транснациональные корпорации, государства и объединения государств, межправительственные и неправительственные организации, которые действуют на планетарном уровне непрерывно в одной или нескольких сферах.

Наиболее очевидным и зримым результатом этого процесса является единство капитализма в его наивысшей современной стадии и техносферы как наиболее законченного материального результата всей предшествующей эволюции капитализма и начавшихся процессов функциональной стратификации государств в зависимости от того, какое место они занимают в системе обеспечения потребностей техносферы.

К началу XXI в. капитализм завершил формирование целостного мирового хозяйства, втянув в сферу своего действия всю планету, и интересы его дальнейшей экспансии требуют политического оформления этих новых реалий. Колоссальных масштабов достигли концентрация и централизация капитала, повлекшие возникновение весьма сложных организационных структур, нужных для обеспечения жизнедеятельности капитала в современных условиях, для контроля государства и общества за ним и, с его стороны, — за обществом и государством в десятках стран мира.

Важнейшие особенности техносферы, сформировавшиеся к началу столетия, состоят в следующем: в развитых странах население не имеет реальной возможности вернуться в случае социальной катастрофы к доиндустриальному образу жизни из-за риска физического вымирания значительного числа людей; наиболее экономически развитые страны, центры техносферы, способны сохранить свое могущество и обеспечить существование при условии освоения и использования планетарного пространственно-ресурсного потенциала, подчиняя целям, задачам, процессу этого освоения свои связи с экономиками других стран и регионов, во многом и сами эти системы хозяйства; техносфера радикально изменила природные условия существования человека и устранила возможность

возврата к доиндустриальной глобальной экологии; она служит материальной основой ускорения процессов глобализации [Косолапов, 2001].

Стремительно и непредсказуемо меняющийся современный мир вызывает противоречивые суждения исследователей. Одни видят в нем торжество либерально-демократической модели, веря в перспективу глобального мирового порядка, другие – знак надвигающейся угрозы этому порядку, предугадывают планетарные экологические, социоэкономические катастрофы и потенциальную вероятность «схватки цивилизаций». Увеличение численности населения и нарастающие миграционные процессы, проблемы ограниченности части ресурсов и охраны окружающей среды – эти и другие глобальные проблемы и факторы определяют острые коллизии на международной арене [Костин, 2015].

Глобализация экономики пока осуществляется в такой исторической форме и такими темпами, при которых ускоряется подрыв локальных экосистем, исчезают все новые виды растений и животных, фиксируется тенденция климатических изменений, усиливается таяние ледников, эрозия почв, исчезновение лесов и т.д. Все сильнее чувствуются проблемы, связанные с нехваткой питьевой воды, недостатком продовольствия, с распространением эпидемий, возникновением внутренних этнических конфликтов или внешнеполитической напряженностью.

Сегодня очевидно, что экологические проблемы превращаются во все более серьезную и трудноразрешимую задачу. Причем многие из вариантов их решения на национальном уровне неминуемо затрагивают природно-экологический потенциал других стран. Чтобы решить эти проблемы и одновременно снизить военную опасность, необходимо добиться реализации концепции сохранения всего разнообразия природных ресурсов всемирного (общего) наследия человечества, в соответствии с которой земляне должны рационально и рачительно использовать эти ресурсы в интересах всех жителей планеты. Но в глобальной экополитике по-прежнему ключевым вопросом остается классическая дилемма совместных действий [The dark... 2011; Global resources... 1988]. Взаимодействие различных участников экопроцесса должно быть каким-то образом целенаправленно оптимизировано.

Конечно, следует иметь в виду эволюционное значение конфликта, в том числе глобального и экологического. В основном оно выражается в его энергетическом аспекте: конфликт дает потенциально конструк-

тивную энергию (в случае благоприятного его разрешения) для следующей стадии. В этом смысле конфликт несет энергию, которую можно направить не на разрушение, а на созидание. Однако человечество пока не осознало, что в случае неправильного использования накопленная энергия конфликта «взорвется» (и это становится все более вероятно) в виде глобальной, уничтожающей планету катастрофы. В современных условиях уже не существует относительного системного равновесия мира.

С позиций мир-системного подхода суть дела состоит не в том, что прежняя модель развития работала плохо, а в том, что работала она, скорее, «слишком хорошо» [Уоллерстейн, 1992, с. 87–88]. Капиталистическое мировое хозяйство в течение более чем 400 лет показывало эффективность в решении своих краткосрочных и среднесрочных проблем. Более того, оно и сейчас демонстрирует способность сделать в настоящем и ближайшем будущем еще больше. Но сами эти решения проблем создали такие изменения в его глубинной структуре, которые со временем устранят эту способность делать постоянные и необходимые приспособления. Система устраняет свои степени свободы. Именно поэтому среди примеров эффективности капиталистической цивилизации, как считают сторонники мир-системного подхода, повсюду видны признаки нездоровья и культурного пессимизма. Это отражает и бесчисленное множество антисистемных движений, которые набирают силу и нередко выходят из-под контроля [Уоллерстейн, 1992, с. 87–88].

Все отчетливее проявляется еще одна особенность. Вместе с признанной системой выборных органов власти параллельно ей все активнее действует многоярусная сеть полуполюлегитимной и «теневой» власти, подотчетной гораздо более узкому кругу лиц и организаций. Серьезно разнясь по своим возможностям и уровню влияния, они в совокупности формируют все более осязаемую систему контроля над обществом.

Усиление процесса глобализации происходит в условиях, когда в мире весьма остро стоит проблема борьбы с бедностью, которая может «взорвать» не только Юг, но и повлиять на благополучие Севера. Экономическая мафия, терроризм, возрастание и объединение международных криминальных организаций принимают планетарный охват. К концу XX в. международная организованная преступность приобрела новые черты: преступная деятельность стала носить более широкий и глобальный характер; усилились

международные связи как между самими преступными организациями, так и между преступными организациями и другими группами; возможности и мощь международных криминальных организаций выросли настолько, что они могут угрожать стабильности государств, подрывать демократические и экономические институты.

В начале века бедные составляли треть человечества, причем в городах они часто образуют большинство населения, что создает серьезную угрозу для политических режимов многих стран. В возрастном отношении бедность становится все более молодой, часто превращается в резервную армию мафии и терроризма. Весьма острые политические противоречия и напряженность в развивающихся странах порождаются растущей нехваткой некоторых редких ресурсов, особенно питьевой воды и нефти. В различных регионах мира растет число этнических, религиозных и националистических конфликтов.

Геополитическая ситуация в этом контексте характеризуется рядом противоречий, обострение которых угрожает будущему планеты. К ним следует отнести в том числе противоречия: между бедными и богатыми обществами; между мирами, в которых доминируют различные религиозные конфессии (например, мусульманский мир и Запад); между традиционными и нетрадиционными (конформистскими и неконформистскими) обществами; между эгалитарными обществами и обществами, в которых царит неравенство; между светскими и религиозными государствами; между ведущими развитыми странами и всеми остальными и т.д. Увеличение потенциала противоречивости и конфликтности приводит к растущей политической и социальной нестабильности в мире. Для поглощения бедности необходимо, чтобы ускорение экономического роста сопровождалось более равномерным распределением его результатов. Между тем все происходит таким образом, что результатами все более «открытого роста» пользуются богатые слои населения и преуспевающие предприятия, все дальше удаляющиеся от основной массы населения. Беднеющее население все более не имеет другого выбора, кроме развития «теневого сектора», которое сочетается с расширением организованной преступности и усилением господства мафии. Проявления индивидуального насилия или терроризма нередко выражают акты отчаяния весьма многочисленных групп населения.

Существует логическая взаимосвязь между кризисами экономического и политического развития и событиями последнего

десятилетия, обусловленными, кроме прочего, девальвацией глобального статуса США. Интенсивность глобализационных процессов делает неизбежным формирование цепочки взаимозависимых последствий, некоторые из которых напрямую выходят в область международных отношений. Очевидные факты свидетельствуют о системных проблемах американской экономики, о перенапряженности державы, стремившейся оправдать заявленный четверть века назад статус глобальной метрополии в моноцентричной планетарной системе. Многие эксперты определяли экономику США как «виртуальную», кризисы которой сменяют друг друга вместо классических экономических циклов. Последний из таких циклов длился восемь лет, в результате чего коллапс интернет-рынка в 2000 г. сменился ипотечным кризисом во второй половине 2008 г. Примечательно, что на своем финансовом пике он приобрел более 12 трлн долл. фиктивной стоимости. Системность американских экономических проблем проявляется, прежде всего, в непрерывном финансировании собственного дефицита за счет иностранных средств. На протяжении четырех десятилетий внешнеторговый баланс США никогда не был положительным. И этот процесс показывает весьма негативную взаимосвязь: кредиторы американской экономики не могут продать долговые обязательства, так как это сразу повлекло бы падение курса доллара и обесценило бы оставшиеся у них активы [Костин, Изотов, 2009].

Фиксация такой динамики в различных публикациях экспертов подрывает веру в национальную экономическую стратегию и девальвирует американский символический капитал, который накапливался более 200 лет и во многом сформировал образ США в мире. Такое состояние заметно снижает экономическую и политическую репутацию Америки. На фоне слабеющего доллара активизировались международные инициативы (Россия, Китай) по реформированию мировой финансовой системы и созданию новой резервной валюты.

В этих условиях одним из элементов геополитической стратегии США, стала «антикремлевская постсоветская игра», начатая в 2000 г. Была запущена цепочка «цветных революций» в Узбекистане, Кыргызстане, Грузии и на Украине. Идеальная цель состояла в конструировании выгодной для США региональной подсистемы международных отношений, в которой в условиях постоянных конфликтов низкой интенсивности укрепляются кон-

тролируемые Вашингтоном правящие политические элиты. Это гарантировало бы стабильную зависимость правящих элит от геополитического менеджмента США. Эта технология успешно работала в первые годы XXI в., но в Грузии произошел сбой. Политическая авантюра Саакашвили перешла все грани политически разумного, и результатом стали военные действия с последующим появлением на постсоветском пространстве двух новых независимых государств.

Геополитическая парадигма внешней политики, выстроенная Вашингтоном на идеологической платформе победы в холодной войне, перестала работать. Поддержка государств-союзников со стороны США снижается пропорционально девальвации американской роли и влияния в мире. Союзники все более озабочены решением насущных внутренних и региональных проблем. Все чаще констатируется кризис в системе международных отношений, возрастающая хаотичность международной среды. Утверждаются идеи о «финише глобализации и торжестве неореализма» [Лапкин, 2009]. Фиксируются несколько основных тенденций, которые будут определять особенности мировой политики в предстоящий период [Костин, Изотов, 2009].

Во-первых, наиболее очевидной тенденцией является снижение роли США и тесно связанный с ней кризис глобального управления. Его проявления весьма различны, например, замораживание процесса делегирования отдельных составляющих национальной власти на верхние интеграционные уровни, будь то органы ЕС, НАТО или, скажем, АСЕАН или МЕРКОСУР. Однако в ближайшее десятилетие это не изменит статус США как крупнейшего, хотя и сильно ослабленного, финансового политического центра, глобальные претензии которого будут все сильнее разделяться между традиционными (ЕС, Япония, Китай, Россия) и новыми (Индия, Южная Америка) центрами притяжений экономических ресурсов.

Вторая тенденция определяет изменение масштаба политических процессов, наиболее востребованными станут региональные интеграционные стратегии. Для большого числа государств необходимым условием антикризисных действий будет примат решения локальных задач над глобальными усилиями, а мировые консультационные альянсы больше сфокусируются на региональных вопросах, ограничиваясь в значительной мере лишь констатацией глобальных проблем. Первостепенные действия будут предполагать

конструирование или реформирование региональных объединений, способствующих эффективному решению конкретных проблем.

Третья тенденция проявляется в экономизации политического пространства и имеет ярко выраженные особенности, определяемые макроэкономическим контекстом. Мировой финансовый кризис непосредственно влияет на содержание и направления геополитических взаимодействий на международной арене, геополитические интересы все чаще отождествляются с планами по спасению национальных экономик.

Преимущество актуальности экономических вопросов над политическими будет особенно заметно по мере углубления мировой рецессии. Внешняя политика, договоры, коалиции станут более практичными, направленными во многом на решение экономических задач. Приоритетные сферы: энергетика, маршруты поставок природных ресурсов, протекционистские действия. Реализация долгосрочных и неосязаемых проектов будет перенесена на будущее.

Четвертая тенденция связана с изменением статуса наднациональных акторов в современной (поствестфальской) системе международных отношений. Возрастет роль мировых финансовых институтов (МВФ, Всемирный банк, Парижский клуб, ВТО, ЕБРР и т.д.). Однако эта тенденция неоднозначна и потенциально конфликтна. С одной стороны, их кредитные механизмы станут более востребованными. С другой – процедуры финансового регулирования и выдачи займов станут менее прозрачными, а дискуссия о степени зависимости от мировых финансовых институтов расколел национальные элиты многих стран, что повлияет на рост политической нестабильности и социальных волнений.

Пятая тенденция – наиболее опасный вариант развития событий, поскольку определяет геополитическую дестабилизацию мировой периферии как результат экономического кризиса. Вторая (и, вероятно, не последняя) волна кризиса больше всего ударяет по странам третьего мира. Обеднение населения резко усиливает социальные и политические волнения во всех формах. Массовые волнения провоцируют смену внутренних режимов в так называемых «странах LIC»¹. Последствия этого затрагивают сферу международной политики.

---

¹ LIC (от англ. low – income country) – международная экспертная аббревиатура, обозначающая страны с низким уровнем дохода.

Девальвация экономической мощи США уже потянула вниз за собой национальные экономики целых регионов, не говоря об отдельных странах. Тем не менее Америка потеряет в пропорциональном отношении меньше, чем другие центры силы, поскольку «благодаря самому высокому даже среди развитых стран уровню интернационализации национальной экономической системы... США имеют наилучшие шансы по сравнению с большинством других ведущих держав (возможно, за исключением КНР) для выхода из кризиса» [Войтоловский, 2009]. Степень политического могущества США также сокращается и сократится еще больше, но другие станут еще слабее. Тем не менее Вашингтон уже не сможет использовать прежние механизмы односторонних действий и будет вынужден разработать новую стратегию преобразования институциональных механизмов коллективного влияния на развитие мировых экономических процессов. Однако на это необходимо не только время, но и значительные ресурсы, в том числе и финансовые.

Развитие последней тенденции в условиях экономических неудач обостряет гуманитарные проблемы, связанные в первую очередь с распределением энергии, воды и продовольствия. В этих условиях проявляются стремления решить такие вопросы «другими способами», благодаря чему вектор массовых волнений отвлекается в сторону внешнеполитических амбиций или даже реваншизма. Например, в потенциально опасной зоне находятся Украина и среднеазиатские республики СНГ. Некоторые страны в условиях экономической катастрофы и негибких авторитарно-клановых режимов могут оказаться беспомощными перед многочисленными угрозами, в том числе и связанными с исламским экстремизмом.

Во многих случаях указанные факторы перестают быть латентными, в политике различных стран возрастает роль военной составляющей, что провоцирует интенсификацию гонки вооружений. Экономический и политический постреализм уступает место различным «теориям хаоса», оправдывающим агрессивные действия государства во враждебном окружении.

Первые десятилетия XXI в. продемонстрировали, что мир начал радикально меняться. Распространение модели современной цивилизации по всему миру подрывает разрыв в могуществе и власти между центром и периферией. Ныне период централизованного глобализма подходит к концу. Подъем развивающихся экономик и в особенности Китая стал символом этого процесса. Ито-

гом этого процесса станет завершение эпохи западной гегемонии, которая длилась со второй четверти XIX в. до первой четверти XXI в. Мир переходит от централизованного глобализма к периоду децентрализованного глобализма [Buzan, Lawson, 2014]. Доминировать в современном мире одной сверхдержаве или группе связанных с ней держав становится уже трудно. По мнению ряда специалистов, эта тенденция будет продолжена и ядро системы будет расширяться и становиться менее западным. Децентрализованный глобализм создает основы для новых международных отношений, весьма отличных от глобального порядка «центр – периферия» двух прошлых столетий. Например, в мире децентрализованного глобализма вероятно будет несколько великих держав и много региональных держав и не будет сверхдержав. Главный идеологический вопрос, определявший геополитику XX в., состоял в поиске альтернативы капитализму. Однако после краха государственного социализма и перехода Китая и России на путь рыночного развития коренной идеологический вопрос ближайших десятилетий может звучать иначе: «Какой тип капитализма обеспечит устойчивое процветание и как управлять отношениями между различными типами капиталистического управления?». Например, по особенностям управления выделяются четыре основных типа капитализма: либерально-демократический, социал-демократический, конкурентно-авторитарный и государственно-бюрократический [Buzan, Lawson, 2014].

В формирующемся децентрализованном мире главной движущей силой международных отношений являются противоречия между Севером и Югом, необходимость решать проблемы глобального экологического кризиса и характер взаимодействия между конкурирующими формами капиталистического управления в условиях острой борьбы за геополитический передел мира. Весьма актуальным становится вопрос, сможет ли децентрализованный мировой порядок создать необходимый уровень глобального управления, чтобы решать глобальные и общие мировые проблемы.

Среди экспертов-международников и специалистов по проблемам глобальной политики весьма настойчиво ставится вопрос о пересмотре состава членов Совбеза ООН и других институтов с целью привлечения к глобальному управлению новых игроков. Основным аргументом в пользу приглашения таких стран, как Бразилия, Индия и ЮАР, к глобальному управлению является тот факт, что сегодня они гораздо более соответствуют требованиям, предъяв-

ляемым кандидатам, чем в тот период, когда органы мирового управления только создавались. Предоставление быстро развивающимся странам больших возможностей влияния на международной арене сделало бы всемирный порядок более представительным. Продолжение игнорирования растущей роли этих государств может привести к возникновению нового мирового порядка, обозначаемого некоторыми исследователями термином «мир без Запада» [Varma, Ratner, Weber, 2009]. Ими выделяются две основные категории стран: «Запад» и быстро развивающиеся страны. К «Западу» относятся страны (члены ОЭСР), характеризующиеся приверженностью к демократии и рыночной экономике; к другой группе причисляют страны, обладающие крупной, развивающейся экономикой – Китай, Индия, Россия, Бразилия и др.

Сейчас многие развивающиеся страны выбирают для себя различные модели контролируемого государством капитализма, что становится еще более актуальным в период экономического кризиса. Власть в этом зарождающемся мировом порядке имеет своим источником владение ресурсами (энергетическими, товарными, благоприятным географическим положением), а не только знание или другие нематериальные факторы производства. В результате торговые правила и нормы будут меняться и соответствовать возникающему порядку, который называют «ресурсным национализмом» [Varma, Ratner, Weber, 2009].

Наиболее опасным вариантом развития событий является геополитическая дестабилизация мировой периферии как следствие экономического и в целом международного кризиса.

Девальвированная однополярная система становится частью истории. На смену ей в условиях глобальной динамики приходит новая геоэкономическая модель, определяемая ведущими тенденциями к политической и экономической дифференциации мира. Новыми полюсами станут интеграционные системы, эндогенные процессы и мощь которых будут зависеть от сочетания трех основных факторов – вершин «интеграционного треугольника» – политики, экономики, идеологии. Функционирование и успех систем определяется сложной взаимосвязью трех вышеназванных факторов [Костин, Изотов, 2015].

С точки зрения ранжирования системы будут выстроены в глобальную иерархию, которая, по-видимому, закрепит социально-экономическую поляризацию планеты. Конкуренция между систе-

мами за экономические и политические пространства будет неуклонно расти. В ближайшем будущем наиболее адекватной характеристикой планетарной структуры может стать интеграционно-конфронтационный полицентризм.

Интеграционные системы способны формировать политические пространства. Одно из основных условий этого заключается в росте политической компоненты интеграционных процессов. При этом требует изучения воздействие институтов управляющих центров интеграции на политические системы стран-участниц. В прямой или опосредованной форме такое влияние присутствует во всех интеграционных системах современности. С этой точки зрения и в целом с ростом политической компоненты интеграции особую актуальность приобретает проблема исследования политических рисков внутри интеграционных систем. Необходимость повышенного внимания к политическим параметрам государств – агентов интеграции хорошо иллюстрирует пример ЕАЭС, постсоветской реинтеграционной системы, являющейся носителем ряда имманентных политических рисков.

Кризис современной системы международных отношений проявляется и в кризисе института **глобального лидерства**. В начале XXI в. стало очевидным, что США, сохраняя значительную мощь и оставаясь центром притяжения для многих государств, не являются общепризнанным глобальным лидером, но сохраняют мировое первенство в военной и научно-технической сферах, в экономике, массовой культуре. В создавшихся условиях возможно формирование лишь коллективного глобального лидерства. Но сегодня и Евросоюз в целом, и страны БРИКС пока не могут по объективным показателям претендовать на эту роль.

Нарастающая стратегическая неопределенность усложняет политический процесс, требует формирования инновационного политического лидерства. Субъекты, акторы и участники глобального политического процесса учатся действовать в изменяющихся и слабо предсказуемых обстоятельствах [Leadership and global governance, 1999]. Инновационное политическое лидерство предполагает, во-первых, формирование инновационного подхода, т.е. внедрение новых способов мышления и действий в условиях отсутствия информации или в условиях непредсказуемости; во-вторых, формирование инновационной политической культуры лидеров в условиях, когда все политические ресурсы сокращены и стеснены.

В условиях глобальной стратегической неопределенности эффективное политическое лидерство не может не быть инновационным. Для успешного и менее драматичного формирования нового мирового порядка важно обеспечить становление условий для появления жизнеспособного института лидерства.

Нарастающая интенсификация процессов глобализации усложняет политические отношения, формирует наряду с сохранением многих прежних свойств и тенденций качественно новые топологические характеристики той политической Вселенной, в которой нам предстоит жить.

Список литературы

- Алексеева Т.* Внешнеполитические идеологии как политическое воображаемое. Россия и мир после мирового кризиса: новые вызовы, новые возможности? // Материалы VI конвента РАМИ. – М., 2011. – С. 19–50.
- Байков А.А.* Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / Отв. ред. А.Д. Богатуров. – М.: Аспект пресс, 2012. – 256 с.
- Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма: Новая всемирно-историческая экономия. – М.: Прогресс-традиция, 2007. – 464 с.
- Богатуров А.* «Принуждение к партнерству» и изъяны неравновесного мира // Россия в глобальной политике. – М., 2011. – № 6. – С. 58–70.
- Валлерстайн И.* После либерализма / Пер. с англ. под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
- Винокуров Е.* Евразоскептицизм. Нужно ли его бояться? // Россия в глобальной политике. – М., 2014. – Т. 12. – № 1. – С. 78–87.
- Войтоловский Ф.* Нестабильность в мировой системе // Международные процессы. – М., 2009. – С. 4–16. – № 1(19). – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/nineteenth/002.htm> (Дата посещения: 12.09.2015.)
- Воскресенский А.* Социальные порядки и пространство мировой политики // Полис: Политические исследования. – М., 2013. – № 2. – С. 6–23.
- Гаджиев К.С.* Мировой порядок сквозь призму синергетики // Международные процессы. – М., 2005. – Т. 3. № 3(9). – С. 124–131.
- Гаджиев К.С.* Об инверсии вектора и функций глобализации // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2015. – № 7. – С. 16–28.
- Иноземцев В.Л.* Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. – М., 2008. – № 1. – С. 31–44.
- Каразанов С.* Революционный хаос нового мира // Российская газета. – М., 2011. – 21 декабря. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/12/21/karaganov.html> (Дата посещения: 21.09.2015.)

- Косолапов Н.А.* Глобализация: сущностные и международные политические аспекты // *Мировая экономика и международные отношения*. – М., 2001. – № 3. – С. 69–73.
- Костин А.И.* Кризис цивилизации и политические аспекты глобального развития // *Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности*. – М., 2015. – С. 10–33.
- Костин А.* Экополитология и глобалистика. – М., 2005. – 417 с.
- Костин А.И., Изотов В.С.* Глобальный кризис в зеркале мировой политики // *Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки*. – 2009. – № 5. – С. 30–40.
- Костин А.И., Изотов В.С.* Интеграционные системы в парадигме глобалистики: обновление исследовательских подходов // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 12: Политические науки*. – М., 2015. – № 2. – С. 7–32.
- Костин А.И., Изотов В.С.* Последствия мирового кризиса: Политологический анализ взаимозависимых рисков // *Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки*. – М., 2012. – № 4. – С. 3–18.
- Лапкин В.* Вступая в новую эпоху великих потрясений: Попытка опережающей теоретической рефлексии // *Полис. Политические исследования*. – М., 2009. – № 1. – С. 180–184.
- Моисеев Н.* Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ. – М.: МНЭПУ, 1994. – 46 с.
- Перелегин С.* Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. – М.; СПб, 2009. – 701 с.
- Рябов А.В.* Россия на постсоветском пространстве: Лидер интеграции или партнер поневоле? // *Повестка дня нового президентства / Под ред. М. Линман*. – М.: РОССНЭП, 2012. – С. 19–24.
- Транснациональные политические пространства: Явление и практика / Отв. ред. М.С. Стрежнев*. – М.: Весь мир, 2011. – 376 с.
- Уоллестайн И.* Общественное развитие или развитие мировой системы // *Вопросы социологии*. – 1992. – Т. 1, № 1. – С. 77–88.
- Хабермас Ю.* Расколотивший Запад. – М., 2008. – 192 с.
- Шимауи М.* Роль и влияние транснациональных корпораций в глобальных сдвигах в конце XX столетия // *Проблемы теории и практики управления*. – 1999. – № 3. – С. 54–69.
- Barma Naazneen, Ely Ratner and Steven Weber.* A world without the West? Empirical patterns and theoretical implications // *Chinese journal of intern. politics*. – Oxford, 2009. – Vol. 2, N 4. – P. 525–544.
- Birdsall N., Fukuyama F.* The Post-Washington consensus // *Foreign affairs*. – N.Y., 2011. – Vol. 90, N 2. – P. 143–165.
- Buzan B., Lawson G.* Capitalism and the emergent world order // *Intern. affairs*. – L., 2014. – Vol. 90, N 1. – P. 71–91.
- Fukuyama F.* The future of history // *Foreign affairs*. – 2012. – Vol. 91, N 1. – P. 65–97.
- Galbraith G.K.* Challenges of the new millenium // *Finance and development*. – 1999. – Vol. 36, N 4.
- Global risks. An initiative of the risk response network // World economic forum*. 6 ed. – Geneva, 2011. – Mode of access: <http://reports.weforum.org/>

wp-content/blogs.dir/1/mp/uploads/pages/files/global-risks-2011.pdf (Дата посещения: 21.09.2015.)

Global resources and international conflicts: Environmental factors in strategic policy and action / Ed. A.H. Westing. – Oxford; N.Y., 1988. – 210 p.

Leadership and Global governance / United Nations university. – Tokyo; N.Y., 1999.

The dark side of globalization / Ed. by J. Heine, R. Thakur / United Nations univ. press. – Tokyo; N.Y.; Paris, 2011.